

ПЕТРОВИЧ, ВЫ ОПЯТЬ УМЕРЛИ

АЛЕКСЕЙ ВЕКШИН

Алексей Векшин

Петрович, вы опять умерли

«Автор»

2026

Векшин А.

Петрович, вы опять умерли / А. Векшин — «Автор», 2026

На заводе две вечные проблемы: всё ломается и все звонят Петровичу. В пятьдесят два года он умеет по звуку определить неисправность, по голосу — найти виноватого, а по лицу начальника — понять, кто останется без выходных. Только одного не умеет: доживать этот четверг до конца. После аварии Петрович открывает глаза в собственной кровати. На часах 06:12. Тот же день. Те же звонки. Тот же завод, на котором его снова ждёт смерть. Ладно. Если неисправность повторяется, её можно найти. Петрович меняет порядок работ, ловит людей на вранье и лезет туда, куда давно никто не заглядывал. Вот только привычного опыта всё чаще не хватает. А завод словно находит новый способ закончить его смену. Кто сказал, что второй шанс будет лучше первого?

© Векшин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычная смена	5
Глава 2. 06:12	14
Г	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Векшин

Петрович, вы опять умерли

Глава 1. Обычная смена

Будильник зазвонил в 06:12.

Алексей Петрович Викторov вытащил руку из-под одеяла и попал большим пальцем не в ту кнопку. Вместо того чтобы замолчать, телефон предложил ему отложить подъём на девять минут. Петрович посмотрел на экран, отменил отсрочку и сел на кровати.

Девять минут в его работе были неприлично большим сроком. За девять минут можно было согласовать остановку агрегата. Или не согласовать и потом полгода разбираться, почему.

За окном завывала автомобильная сигнализация.

— Да выключи ты её! — крикнули снизу.

Сигнализация смолкла, снова пискнула и окончательно затихла.

— Доброе утро, — сказал Петрович.

В спальне никто не ответил. На второй половине кровати лежала рубашка, которую следовало убрать в шкаф ещё вчера. Петрович поднял её, посмотрел на мятый рукав и повесил на спинку стула. Теперь рубашка хотя бы находилась в движении к шкафу.

Будильник он собирался переставить лет десять. Когда-то семь минут запаса помогали объехать очередь перед старым мостом. Мост отремонтировали, очередь исчезла, а шесть двенадцать осталось. Время, которое однажды сработало, Петрович без необходимости не менял.

На экране висело сообщение от Лены.

«Пап, вечером позвони. Только не забудь, пожалуйста».

Отправлено вчера в 22:46.

Он в это время ещё был на заводе. Не потому, что случилась авария. Меняли привод на четвёртом участке, и он решил дождаться пробного пуска. Потом выяснилось, что электрики ждут наладчика, наладчик ждёт мастера, а мастер ушёл искать человека, который должен был снять ограждение. Все ждали правильно, по своим инструкциям. Привод стоял.

Лене Петрович не ответил. Решил позвонить из машины, а в машине вспомнил, что надо предупредить утреннюю смену. Домой приехал после одиннадцати.

Сейчас он отметил сообщение непрочитанным. Так оно снова стало просьбой, с которой ещё можно было что-то сделать.

На кухне пахло вчерашним чаем. На подоконнике стоял горшок с растением, оставленным Ириной при переезде. Она говорила, что оно почти не требует ухода. Растение выглядело так, будто придерживалось другого мнения.

Петрович налил воду в чайник, открыл холодильник, закрыл. Во второй раз обнаружил то же самое: сыр, два яйца, банку горчицы и контейнер, происхождение которого не помнил. Яйца были понятнее контейнера.

Во дворе дворник тащил по асфальту пластиковую лопату. Снега не было три недели, зато у бордюров оставался мокрый песок. Лопата цеплялась за каждую щель с одинаковым звуком. У подъезда женщина в зелёной куртке выгуливала маленькую белую собаку. Собака остановилась у клумбы, женщина натянула поводок и подняла голову к окнам, будто надеялась найти там помощь.

Петрович поставил сковороду на плиту.

Телефон зазвонил в 06:27.

На экране было написано: «Сомов смена».

— Да, Костя.

- Алексей Петрович, извините, что рано. По шестому опять давление гуляет.
- Насколько?
- Две десятых от обычного. Возвращается, потом опять.
- На местном манометре?
- Тоже. Только там мелко, не очень видно.

Петрович выключил плиту. Одно яйцо уже успело схватиться по краям, второе ещё растекалось по сковороде.

- Температура опор?
- Без изменений.
- Вибрация?
- По экрану норма.
- Я спросил про вибрацию, а не про экран.

Сомов помолчал.

- К машине подходил. Ничего такого. Только не нравится она мне сегодня.
- Это уже нормальная диагностика. Кто у агрегата?
- Жилин. И подрядчики на площадке, возле старого шкафа. Но они не по машине.
- У подрядчиков наряд есть?
- Мастер смотрел.

— Сам тоже посмотри. Не увеличивайте нагрузку. В журнал запиши время колебаний и кому доложил. Через сорок минут буду.

- Останавливать?

Петрович посмотрел на сковороду.

Остановка шестого означала перевод потребителей на резерв, звонок диспетчеру, звонок начальнику производства и ответ на вопрос, почему машину, которую неделю назад приняли после ремонта, снова надо выводить из работы. Это не было причиной оставлять её в работе. Но и две десятых сами по себе не были причиной отключать половину площадки.

— Пока по штатной схеме. Если будет посторонний звук, рост температуры или вибрации — выводите, меня не ждите.

- Понял.

Петрович переложил оба яйца на хлеб, съел стоя и обжёг нёбо. На сообщении от Лены задержался ещё раз.

Вечером. Сегодня обязательно.

* * *

У старого моста стояла пустая маршрутка с открытым капотом. Петрович объехал её по соседней полосе. Водитель стоял у бордюра, разговаривал по телефону и пинал переднее колесо. Это был древний способ ремонта, не утративший популярности.

Город ещё не проснулся целиком. Горели окна булочной, у больницы женщина в белом халате курила поверх синей куртки. На перекрёстке коммунальная машина поливала водой чистую часть дороги, оставляя грязную сухой. Петрович подумал, что на заводе такую операцию назвали бы локальной оптимизацией.

За последними жилыми домами начинались склады, потом железнодорожные пути, а за ними — АО «Северный промышленный комплекс».

Название придумали в двухтысячных. До этого предприятие называли комбинатом. Что именно в новом названии стало комплексным, Петрович так и не понял. Выпускали те же технические смолы и промежуточные продукты для других заводов. Пар, вода, воздух, электричество и неисправности по-прежнему требовались круглосуточно.

Старые кирпичные корпуса стояли в глубине, новые ангары ближе к дороге. Над всей площадкой шли эстакады. Из окна машины видны были серебристая теплоизоляция, тёмные балки, куски труб, на которых изоляция закончилась раньше бюджета.

Завод строили в семидесятых, достраивали в восьмидесятых, спасали в девяностых и модернизировали так долго, что некоторые результаты модернизации уже успели устареть.

На плане всё помещалось в ровные прямоугольники.

Петрович знал: если на плане две трубы, на месте может быть четыре. Одна заглушена, вторая ушла к другому потребителю, третья принадлежит службе, ликвидированной в 2003 году. Четвёртую обязательно увидишь, когда начнёшь разбирать первые три.

У проходной Виктор поднял шлагбаум только после того, как Петрович приложил пропуск. Раньше они обходились кивком, но месяц назад Громов устроил разбор. Объяснил, что узнаваемое лицо не заменяет запись о входе. В этом он был прав. Поэтому ему долго этого не прощали.

— Доброе утро, Алексей Петрович.

— Если оно доброе, зачем я сюда приехал?

Виктор улыбнулся, глянул на часы и похлопал по карманам.

— Логично.

Когда Петрович уже выходил из машины на внутренней стоянке, охранник догнал его у калитки.

— Вы потом, если в город поедете, на выезде скажите. Жена документы на машину привезёт, я дома забыл. Сейчас позвонила.

— Мне их забрать?

— Нет, я сам. Просто на пять минут отойду, Палыч будет. Чтобы вы не удивлялись.

Петрович кивнул. Виктор всегда заранее оправдывался за отсутствие, даже когда отсутствие было согласовано. На предприятии это считалось признаком воспитания.

В раздевалке висела вчерашняя куртка с пятном на рукаве. Петрович переоделся, проверил фонарь и поставил рабочий телефон на зарядку, пока застёгивал ботинки. На стене висело новое объявление: заявки на ремонт требовалось оформлять исключительно через электронную систему.

Под объявлением кто-то карандашом написал: «Если работает».

Начальник аварийно-технической службы должен был эту надпись осудить. Петрович обнаружил, что не может определить автора по почерку. Это огорчило его сильнее самой надписи.

Семёныч, старший механик, вынырнул из соседнего ряда шкафчиков.

— Петрович, сигарета есть?

— Ты двадцать лет не куришь.

— А ты всё помнишь.

— Зачем тебе сигарета?

— Проверяю, бросил ли ты.

— Работай уже.

Семёныч улыбнулся, но уходить не стал.

— По четвёртому приводу вчера нормально?

— По приводу — да. По людям — не очень. Сегодня ограждение доделать.

— Мастер обещал.

— Пусть обещание прикрутит четырьмя болтами.

* * *

В диспетчерской было тепло, пахло кофе и перегретым пластиком. Два оператора заканчивали передачу смены. На центральном мониторе пульсировали зелёные линии. Зелёный цвет на заводе любили: он позволял начальству проходить мимо.

Максим Орлов сидел за боковым столом. Рядом с ноутбуком лежали блокнот, тестер и остывший бумажный стакан. В отличие от многих молодых инженеров, Максим иногда писал от руки. Петрович считал это обнадеживающим.

— Доброе утро, — сказал Максим. — Сомов вас уже поднял?

— Нет, я для удовольствия так рано приезжаю.

— По шестому посмотрел. В допуске.

Максим развернул экран. Ему было двадцать девять, и он ещё верил, что хорошо оформленный график снимает половину вопросов. Петровичу было пятьдесят два. Он знал: хороший график иногда просто аккуратно изображает то, чего не происходит.

— Температура стабильная, — продолжил Максим. — По штатному датчику вибрации превышений нет. Давление действительно ходит, но нагрузка тоже немного меняется.

— Сомов говорит, слышно.

— Что слышно?

— Вот пойдём, узнаем.

— Я бы сначала архив выгрузил.

— Выгрузи. Потом пойдём.

Максим щёлкнул мышью. На экране появилась ночь целиком.

Петрович наклонился ближе.

— Здесь что?

— Где?

— В восемь минут первого.

— Изменение масштаба.

— Увеличь.

Максим увеличил. Между двумя участками линии образовался белый зазор.

— Нет значения три секунды, — признал он. — Доставка в архив. Бывает.

— Только на этом сигнале?

— Сейчас.

Он открыл соседние тренды. Температура и давление шли непрерывно. На сигнале состояния вспомогательной секции оказался такой же короткий пропуск.

— Они через один старый шлюз, — сказал Максим. — Можно проверить связь.

— Проверь.

— Это не означает, что датчик врал.

— Я ещё ничего не сказал.

Максим посмотрел на него и закрыл рот. Петрович знал этот взгляд. Молодой инженер пытался решить, есть ли смысл спорить сегодня или лучше накопить аргументы до завтра.

Сомов вошёл с бумажным журналом.

— Записал, как вы говорили.

— Кто с ночи у машины?

— Жилин. От него и пошло.

— После ремонта что меняли?

— Всё по ведомости. Подшипники, уплотнения, центровку делали. Приёмка есть.

— Я про после приёмки.

Сомов отрицательно качнул головой.

— По механике — ничего.

На словах «по механике» Максим слегка повернул голову.

— А по автоматике? — спросил Петрович.

— Подрядчик систему обслуживания доделывал. Отдельно от управления. По согласованной заявке.

— Кто?

— «ТПС-41». Новые подрядчики.

Это название Петрович слышал всю неделю. У них было три разных договора и одни и те же люди, которые по первому договору обещали закончить второй, если завод подпишет третий.

— Где ответственный?

— Савельев должен приехать к девяти, — сказал Сомов.

— Пусть после девяти никуда не торопится.

Оператор протянул Петровичу журнал замечаний. На предпоследней странице стояла подпись о приёмке компрессора после ремонта. Под ней — три строки пробного пуска и отметка о выходе на режим.

— Здесь всё хорошо, — сказал оператор.

— Я вижу, что здесь хорошо. Меня интересует там.

Он вернул журнал. Максим подвинул блокнот.

— Я на приёмке был. По автоматике замечаний не осталось. Тот короткий сбой мы отдельно проверим, но у машины свой канал защиты. Архив и защита — не одно и то же.

— Знаю.

— Тогда не надо делать вид, что всё на экране придумано.

Оператор опустил голову. Сомов вдруг заинтересовался собственной записью. Молодой инженер редко отвечал так прямо.

Петрович посмотрел на него.

— Ты что-то ещё хочешь сказать?

— Хочу. Когда вы говорите «по экрану», люди слышат, что данные не нужны. Они нужны. Просто надо понимать ограничения.

Петрович держал журнал и не отдавал его несколько секунд.

Максим стоял ровно. Не извинялся, не пытался превратить реплику в шутку. На предыдущем месте работы за такой разговор его могли бы убрать с площадки. Здесь он, видимо, решил, что правота стоит риска.

— Хорошо, — сказал Петрович. — Ограничения покажешь. А я покажу тебе звук.

Максим кивнул.

Петрович отдал журнал и уже у двери вспомнил, как лет двадцать назад сам объяснял начальнику цеха, что трещина не станет меньше, если убрать её из дефектной ведомости. Начальник тогда назвал его неопытным. Формально был прав: опыта у Петровича ещё действительно не хватало. Вот только трещине это не помешало.

Он не рассказал Максиму. Молодой инженер без того достаточно хорошо держался.

Сомов догнал их в коридоре.

— По замене людей вопрос. Рябова на ночь оставить или Павлова вызвать?

— Павлов на больничном.

— Его вчера выписали.

— Значит, Рябова. Пусть Павлов один день дома побудет.

— Рябов после шестнадцати договаривался уйти.

Петрович хотел спросить, с кем договаривался. Слово уже было готово. Потом вспомнил сообщение на телефоне.

— Из-за чего?

— Ребёнка к врачу. Жена не может.

— Тогда до четырёх он. Потом Семёныч подменит.

— Семёныч скажет, что у него тоже ребёнок.

— Его ребёнку тридцать четыре.

— Он это аргументом не считает.

Петрович усмехнулся.

— Скажи, что договорился со мной. И на завтра не ставьте ему раннюю.

Сомов отстал. Максим шёл рядом молча.

— Что? — спросил Петрович.

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Ему хотелось, чтобы молодой инженер заметил: начальник службы умеет не только запрещать. Но просить об этом было бы уже совсем неприлично.

* * *

У лестницы в шестой блок стояли двое монтажников. Один держал бухту кабеля, второй спорил с Жилиным. Жилин был коренастый, с надломленным носом и привычкой отвечать медленно. Это делало его особенно неудобным собеседником для торопливых подрядчиков.

— У нас разрешение, — говорил монтажник.

— На работы. А не на хождение куда понравится.

— Мы уже вчера проходили.

— Вчера я дома был.

Петрович остановился на нижней ступеньке.

— Что делаете?

Монтажник протянул наряд. Петрович прочитал место работ, перечень оборудования и фамилию допускающего. Всё было заполнено. Даже подписи. Это не гарантировало безопасности, но уменьшало количество фантазии в разговоре.

— Вы у шкафа связи. Почему наверх?

— Проверить трассу.

— Кто показал?

— Здесь рядом.

— «Рядом» в наряде нет. Жилин, проводи. Если надо менять место работ — через мастера.

Когда монтажники ушли, Максим негромко сказал:

— Можно было просто объяснить.

— Я объяснил.

— Они теперь будут ждать мастера час.

— Если им приходится ждать мастера, чтобы найти собственный кабель, час не самая большая проблема.

Максим ничего не ответил.

Петрович заметил это и раздражился заранее. Сейчас молодой инженер наверняка думал, что старший опять мешает работать. После аварии все почему-то думали иначе.

Шестой компрессор считался новым. Ему было одиннадцать лет. Для этой площадки возраст вполне молодой.

Агрегат подавал воздух в общую сеть потребителей. Труба уходила к ресиверам и дальше на эстакаду, в сторону технологических корпусов. Рядом стоял резервный компрессор, выкрашенный в чуть другой оттенок синего. Цвет менялся от закупки к закупке быстрее, чем оборудование.

Жилин встретил их у ограждения.

— Вот сейчас, — сказал он. — Послушайте.

Петрович постоял молча.

Он не обладал особенным слухом. Просто слышал эту машину тысячи раз. Знал её гул на малой нагрузке, звук при переходе на другую, знал, как постукивает плохо закреплённый воздуховод в мороз. Сегодня привычный шум был ровнее, но под ним появлялся короткий неровный толчок, будто кто-то изнутри раз в несколько секунд задевал металл.

— Давно?

— К пяти начало. Раньше не было.

Максим посмотрел на экран переносного устройства.

— Датчик этого не видит.

— Значит, смотрим другим, — сказал Петрович.

Жилин показал местный прибор температуры. Стрелка находилась в обычном диапазоне. Петрович не стал тянуть руку к движущемуся оборудованию. Остановился за ограждением и посмотрел на неподвижную опору, на её крепление, на пыль вдоль основания.

Возле одного болта пыль лежала неровной светлой полоской.

Такого могло быть десять причин. Включая то, что кто-нибудь плохо протёр пол. Но вместе со звуком это уже давало вопрос, которого не было на экране.

— Переносной виброметр есть?

— На четвёртом, — ответил Жилин.

— Принеси.

Максим шагнул ближе к ограждению.

— Я пока сниму сырые значения. Может быть, архив усредняет и сглаживает.

Петрович хотел сказать: «Не может, а наверняка». Не сказал. Усреднение было полезной вещью, пока человек помнил, что именно усреднялось.

Сомов позвонил из диспетчерской. Начальник производства хотел знать, собираются ли они выводить шестой, потому что резерв требовался ещё одному участку.

— Я собираюсь понять, что с шестым, — сказал Петрович.

— Ему так и сказать?

— Добавь «Алексей Петрович сказал». Обычно помогает.

Он прошёл вдоль площадки к шкафам. Новый серый шкаф соседствовал со старым зелёным, который давно следовало убрать. На зелёном висела бумажная наклейка последнего обхода. Ниже, почти под дверной ручкой, находился маленький аналоговый прибор с пожелтевшей шкалой.

КД-17.

Стрелка дрожала возле тридцати семи.

Петрович наклонился. Шкала была без единиц. Под стеклом у края виднелась тонкая коричневая полоска, словно туда когда-то затекла вода и высохла.

— Максим, это что?

Тот подошёл.

— Старый контрольный прибор.

— Что контролирует?

— Не наш. В системе его нет.

— Удобный ответ.

Максим присел, посмотрел на нижнюю часть шкафа.

— Линия вниз уходит. Может быть, контроль изоляции старого участка. Здесь много оставленного.

— КД?

— Без паспорта не расшифрую.

Петрович посмотрел на табличку ещё раз.

Он не помнил этого прибора. Не самого старого шкафа — шкаф стоял здесь давно, за него периодически спорили электрики и автоматчики. Не помнил именно шкалы. Возможно, раньше её закрывала папка с журналом. Возможно, он проходил мимо и не смотрел.

Это было неприятно. После практики он вернулся сюда насовсем в девяносто пятом — двадцать девять лет назад. Он не обязан был знать каждую железку. Но привык думать, что обязан.

Позади щёлкнула дверь на лестницу.

На площадку поднялся Сергей Андреевич Лебедев.

Главный инженер шёл без торопливости, не тратя сил на изображение срочности. Ему было под шестьдесят. Седые волосы он стриг коротко, рабочую куртку носил застёгнутой до верха. Сейчас в руках у него была распечатка заявок.

— Что решили?

— Пока ничего. Слушаем машину.

— Производство уже слушает тебя.

— Пусть подождёт.

Лебедев посмотрел на агрегат, потом на старый шкаф.

На долю секунды задержался глазами ниже ручки.

— Здесь подрядчики были? — спросил он.

— У шкафа связи, — ответил Максим. — Их кабель отдельно.

— Проследите, чтобы отдельно и остался.

Петрович поднял голову.

— Сергей Андреевич, что за КД-17?

Лебедев перевёл взгляд на него.

— Старое вспомогательное. Сейчас не до него.

— Я спросил, за что отвечает.

— Поднимем паспорт. Займись шестым.

Телефон у главного инженера зазвонил. Он отошёл к лестнице. Петрович проводил его взглядом.

Максим уже вернулся к данным. На переносном экране всплыла ещё одна таблица.

— Есть короткие пики, — сказал он. — Но это надо сравнить с переносным измерением.

Штатный канал мог...

Металлический удар оборвал фразу.

Не громкий. Отдельный, совершенно чужой звук.

Петрович повернулся к машине.

Жилин, вернувшийся с прибором, стоял у лестницы.

— Слышали?

— Выводим, — сказал Петрович.

Сомов был уже на площадке. Он посмотрел на местную панель.

— В режиме всё.

— Костя. Остановка.

— Диспетчер переключение потребителей не подтвердил.

— Сообщил: нештатный механический звук. Шестой аварийно выводим. Людей от агрегата убрать.

Сомов поднял рацию. Максим быстро собрал устройство и шагнул за колонну, но остановился, услышав второй удар.

На этот раз звук сопровождался низким скрежетом.

Петрович был ближе всех к посту аварийного останова. Он потянулся к кнопке через закрытый кожух поста, большим пальцем нащупал крышку. До неё оставалось меньше шага.

Он ещё видел всё по отдельности.

Красную кнопку.

Максима, который развернулся к нему.

Сомова с рацией у рта.

Стрелку КД-17, ушедшую вправо так резко, что её движение показалось скачком.

Свет под потолком погас.

Остановленная нажатием кнопки машина всё равно не могла остановиться сразу. Петрович это знал. У вращения было собственное время, не зависевшее от того, насколько срочно человеку требовалось его отменить.

Кожух дёрнулся. У трубы за агрегатом что-то разошлось, и воздух ударил в площадку.

Петрович не услышал взрыва целиком. Сначала пришёл толчок в грудь, потом ноги перестали держать пол. Бетонная колонна оказалась перед лицом раньше, чем он успел закрыть его рукой.

Он подумал не о смерти.

Успел ли Максим уйти.

Потом не было ни площадки, ни света, ни следующей мысли.

Глава 2. 06:12

Будильник зазвонил в 06:12.

Петрович не открывал глаза. Звук шёл откуда-то справа, хотя телефон должен был остаться в нагрудном кармане. Он пытался набрать воздух и ждал, что грудь не даст. Грудь поднялась свободно. Ещё раз.

Под затылком была подушка.

Он открыл глаза.

Потолок спальни. Бледное пятно возле люстры, оставленное соседями сверху три года назад. Рубашка на второй половине кровати.

За окном завывала сигнализация.

— Да выключи ты её!

Петрович сел так резко, что свело шею.

Телефон продолжал звонить. Он выключил будильник, перевернул аппарат и посмотрел на заднюю крышку. Трещины не было. Рабочий телефон лежал на комоде. Куртка висела в прихожей.

Он провёл рукой по груди.

Ничего.

На лице, которое должно было удариться о бетон, не было даже царапины.

Петрович встал. Пол был прохладный. Правое колено щёлкнуло, как щёлкало каждое утро. Его удивило, что такое мелкое неудобство сохранилось, когда от всего остального не осталось следа.

В ванной он включил свет и подошёл к зеркалу.

Лицо обычное. Помятое после сна, щетина, на переносице след от очков, в которых вчера читал заявку. Вчера — это когда?

На экране телефона стояло: четверг, 18 апреля.

В диспетчерской на журнале была та же дата. Он помнил, как Сомов написал восемнадцатое, сперва вывел единицу, потом долго пытался сделать аккуратную восьмёрку.

Ночной кошмар.

Это было разумно. Слишком разумно для того, как хорошо Петрович помнил красную кнопку и лица людей перед ударом.

Он открыл сообщения.

«Пап, вечером позвони. Только не забудь, пожалуйста».

Сообщение прочитано. Вчера утром — или во сне — он отметил его непрочитанным.

Во дворе пластиковая лопата проехала по асфальту.

Петрович подошёл к окну.

Женщина в зелёной куртке вышла из-за угла. Белая собака остановилась у клумбы. Поводок натянулся. Женщина подняла голову к окнам.

Он отступил от подоконника.

— Нет, — сказал он.

Слово прозвучало слишком громко в пустой кухне.

Петрович включил чайник, хотя пить не собирался. Поставил перед собой две чашки, убрал одну. Несколько раз посмотрел на часы. В 06:26 телефон был у него в руке.

В 06:27 позвонил Сомов.

Петрович дал пройти двум гудкам.

— Алексей Петрович, извините, что рано. По шестому опять давление гуляет.

Петрович закрыл глаза.

— Две десятых?

— Да.

Сомов помолчал.

— Вам Жилин позвонил?

— Температура опор без изменений?

— Пока да.

— Вибрация по экрану норма?

— Да. Только...

— Не нравится машина?

На другом конце стало тихо. Петрович слышал какой-то гул и короткий щелчок.

— Алексей Петрович, я не пойму. Мы уже говорили?

— Костя, шестой готовьте к выводу. Нагрузку не повышать. Людей от него уберите. Я сейчас приеду.

— Есть основание?

— Есть. Скажи диспетчеру: приеду и оформлю. Подрядчиков к шкафам пока не пускать.

— Понял.

Он отключился.

Лена ещё спала. Петрович открыл её номер, закрыл. Что он собирался спросить? Не умер ли он вчера на работе? Дочь знала ответ лучше него, и этот ответ ничего бы не объяснил.

Он набрал на экране: «Сегодня позвоню».

Не отправил. Ещё одно обещание выглядело неприлично.

В коридоре висела аптечка. Ирина когда-то расставила лекарства по небольшим коробкам: простуда, желудок, давление. Петрович продолжал пополнять их по тому же правилу, хотя некоторые упаковки давно требовали проверки.

Он достал тонометр.

Манжета никак не хотела ложиться ровно. Пришлось снять рубашку, сесть, подождать, как было написано в инструкции. Он не смог подождать и нажал кнопку почти сразу.

Прибор выдал повышенное значение.

Он отсидел несколько минут и измерил снова. Цифры снизились. Собака всё ещё стояла у клумбы. Сомов только что произнёс те же слова. Давление не объясняло этого.

В телефоне нашёл номер поликлиники. Приём начинался в восемь. До этого, наверное, можно было вызвать скорую, сказать про удар в грудь и потерю сознания. Врач спросит, когда был удар. Что ему отвечать?

Вчера, которого ещё не было?

Петрович убрал манжету.

Если он начнёт объясняться сейчас, шестой продолжит работать. Сначала машина. Потом здоровье. Порядок был привычный, почти успокаивающий. Именно так он объяснял себе любую задержку у врача последние десять лет.

Возле аптечки на полке лежала старая фотография. Лена в школьной форме держала букет, Ирина стояла рядом. Петрович фотографировал их сам и потому на снимке отсутствовал. Он помнил, как спешил тогда после линейки на работу.

Дату линейки не вспомнил.

Сегодняшние секунды до аварии помнил безошибочно.

* * *

У старого моста снова стояла маршрутка.

Водитель пинал переднее колесо.

Петрович затормозил раньше, чем требовалось. Машина сзади недовольно просигналила. Он посмотрел в зеркало, перестроился и проехал мимо. Маршрутка осталась на месте. Капот открыт. Водитель приложил телефон к другому уху.

Петрович помнил этот жест.

На следующем перекрёстке коммунальная машина поливала чистую полосу. Женщина у больницы прижимала сигарету к краю металлической урны.

Он всё время искал различие. Не потому, что разница могла помочь. Хотелось увидеть хоть что-нибудь, чего не было в памяти.

У проходной Виктор поднял шлагбаум.

— Доброе утро, Алексей Петрович.

Петрович приложил пропуск, въехал и сразу поставил машину за будкой. Вышел.

— Витя, тебе жена сейчас позвонит.

Охранник посмотрел на него.

— Что?

— Документы на машину дома забыл.

Виктор машинально похлопал по карманам.

— Она вам звонила?

Петрович не ответил.

Телефон в будке заиграл мелодию.

Охранник поднял аппарат. Посмотрел на экран, затем снова на Петровича.

— Да, Свет. Нет, не надо, я...

Петрович пошёл к раздевалке.

За спиной Виктор объяснял жене про документы. Петрович уже не верил в сон.

В раздевалке Семёныч выглянул из своего ряда.

— Петрович, сигарета...

— Есть у Жилина. Ты всё равно не куришь.

Семёныч замер.

— А что ты такой?

— Какой?

— Будто тебя переехали.

Петрович застегнул куртку не с первого раза.

— Почти.

* * *

В диспетчерской передавали смену. Максим сидел за боковым столом, рядом с блокнотом и бумажным стаканом.

Живой.

Петрович остановился у двери.

Максим поднял голову.

— Доброе утро. Сомов вас уже...

— Где шестой?

— В работе. Костя сказал, вы велели готовить к остановке. Я сейчас данные...

— Готовить закончили. Останавливаем.

Оператор у центрального пульта обернулся.

— Алексей Петрович, производство не подтвердило. У них потребитель в режиме.

— Переводите на резерв по своей схеме. Нужен Лебедев. Сейчас.

— Он на селекторе.

— Я тоже на работе.

Максим встал и подошёл ближе. На его лице не было ни испуга, ни радости от того, что жив. Он просто видел раздражённого начальника аварийной службы, который с утра мешал спокойно закончить передачу.

— Что вы обнаружили?

Петрович посмотрел на часы. 08:43. До удара оставалось пятьдесят пять минут. Он точно помнил время на местном пульте: 09:38. На работе часы показывали секунды. Именно секунды вчера оказались бесполезными.

— Разрушение в опорном узле. Через пятьдесят пять минут машина не должна вращаться.

— Вы её уже смотрели?

— Максим, у нас два варианта. Сначала спорить, потом останавливать. Или остановить и спорить сколько хочешь.

— Вы не можете по воспоминанию о звуке утверждать, что там разрушение.

Петрович схватил молодого инженера за рукав. Не сильно, но оба заметили.

Он отпустил.

— Могу ошибиться. Давайте сделаем так, чтобы я получил за это выговор, а не чтобы кто-то умер.

Максим посмотрел на его руку, потом на лицо.

— Хорошо. Я позову Сергея Андреевича.

Главный инженер пришёл через семь минут. Не с распечаткой. Без куртки, в рубашке с закатанными рукавами.

Вот различие, подумал Петрович. Хотелось его получить, теперь получил. И это ничего не решило.

— Объясни, — сказал Лебедев.

— На шестом механический дефект после ремонта. Его не видно на штатном тренде. Выводим и смотрим.

— Сомов говорит, параметры в норме.

— Сомов ещё говорит, что машину слышно. Вчера...

Петрович остановился.

— На прошлой смене её так не слышали.

— Сколько нужно на перевод?

Оператор назвал время.

Лебедев посмотрел на Максима.

— Сырые значения есть?

— Сейчас выгружаю. В архиве короткие пики сглажены. Но без переносного измерения...

— У Жилина прибор с четвёртого. Пусть снимает, — сказал Петрович.

Максим поднял голову.

— Откуда вы знаете, что он его принёс?

— Потому что сам велел.

Он не велел. В этом утре — ещё нет.

Лебедев устало потёр глаза.

— Останавливаем. Костя, запись в журнал. Производству я объясню. Алексей, если ничего не найдём, объяснять дальше будешь ты.

— Напишу.

— Дорогая объяснительная получится.

— Зато без похорон.

Лебедев задержал взгляд на нём, но спрашивать не стал.

Команды пошли по связи. Потребителей переводили, резерв набирал нагрузку. Сомов стоял у пульта, отвечал мастеру участка и каждый раз проверял полученное подтверждение. Петровичу хотелось ускорить всё руками. Встать между людьми и заставить их двигаться быстрее.

Он сел на край свободного стула.

Это было труднее, чем нажать кнопку.

В 09:01 шестой начали выводить.

По громкой связи назвали номер машины и предупредили смену. Голос звучал совершенно буднично. Петрович ожидал, что само произнесение этих слов изменит площадку, как если бы можно было отменить удар объявлением. Но в окне ничего не менялось. Люди шли по дороге, над эстакадой стоял слабый пар, монтажник внизу нес кабель на плече.

Телефон зазвонил.

Начальник производства.

— Алексей Петрович, чем обоснована остановка?

— Возможным механическим дефектом.

— Возможным или подтверждённым?

— Через час будет подтверждённым. Или я ошибся.

— Мы сейчас теряем выпуск.

— Знаю.

— Кто компенсирует?

Петрович посмотрел на Максима. Тот стоял у пульта, просматривая список готовности.

— Сначала убедимся, что есть кому считать.

— Алексей Петрович, это неконструктивно.

Он хотел объяснить про колонну. Про секунду, в которую человек видит лица и уже ничего не успевает. Хотел заставить начальника производства представить то же самое, хотя бы мысленно. Тогда вопрос о компенсации показался бы ему таким же нелепым.

Но у начальника была собственная работа. Выпуск, договоры, простаивающие люди. Он ещё не видел повреждение, а услышал только человека, который отказывается отвечать по существу.

— Основание оформим, — сказал Петрович. — Вывод согласовал Лебедев. Дальше я вам доложу.

Он отключился раньше, чем получил ответ.

Сомов посмотрел на него.

— Зря вы так. Он сейчас к Сергею Андреевичу.

— Пусть.

— Он всегда так.

— Сегодня можно.

Петрович положил телефон на стол. В другой день он считал бы этот разговор неприятным, но обычным. Сейчас ощущал почти физическую невозможность объяснить людям, что их нормальные вопросы относятся к миру, который для него уже закончился.

Максим подошёл и подвинул аппарат подальше от края.

— Уроните.

Петрович посмотрел на него.

— Спасибо.

Молодой инженер будто не знал, куда деть это слово. Кивнул и вернулся к пульта.

В 09:07 подтвердили остановку. Давление на обслуживаемой секции оставалось. Дальше требовались изоляция, проверка и допуск к осмотру. Петрович смотрел, как мастер открывает журнал, и представлял, сколько лишних секунд уйдёт на каждую строку.

— Он уже не возвращается, — негромко сказал Максим.

— Я вижу.

— Тогда перестаньте смотреть на часы.

Петрович повернулся к нему.

— Не командуй.

— Я не командую. Вас от этого только больше трясёт.

Петрович опустил глаза на свою руку.

Пальцы действительно дрожали.

* * *

У остановленной машины было непривычно тихо. Остался гул вентиляции, шум резерва за стеной и стук инструментов в ящике.

Жилин отгородил место работ. Мастер проверил готовность, оформил допуск, и только после этого механики начали снимать защитный кожух. Не тот большой, возле которого вчера разошёлся воздух, а небольшой, открывавший доступ к опоре.

Максим фотографировал показания и отметки времени. Петрович стоял рядом с Сомовым. Старались не мешать. Получалось плохо.

Механик с четвёртого, худой парень по фамилии Рябов, выпрямился над узлом.

— Константин Павлович. Посмотрите.

Сомов наклонился, посветил фонарём.

— Вот зараза.

На доступном участке обоймы была видна тонкая неровная линия. У края металл потемнел. Один из роликов оставил отметину там, где её быть не должно.

Это не давало полной картины. Для неё требовались разборка и дефектация. Но продолжать работу было нельзя.

Жилин тихо выругался.

— Неделю назад принимали.

— Неделю назад её ещё можно было принимать, — ответил Петрович. — Снимите всё как есть. Ничего не мойте до осмотра.

— Брак?

— Сначала посмотрим.

Он сказал это автоматически. Себя узнал по ответу и наконец смог вдохнуть глубже.

Максим долго смотрел на повреждение. Потом на Петровича.

— На тренде этого точно не было.

— Теперь есть основание.

— Основание было уже у вас.

— Жилин звук слышал.

— Звук и срок в пятьдесят пять минут — разные вещи.

Петрович поправил ворот куртки.

— Срок я мог придумать, чтобы вы шевелились.

— Вы не так придумываете.

Максим отвёл его на два шага от механиков.

— Посмотрите на меня.

— Я смотрю.

— Вам кто-нибудь угрожал?

Петрович моргнул.

Такой мысли ещё не было. Подрядчики, договоры, повреждение после ремонта — можно связать всё это совсем обычной ниткой.

— Нет.

— Потому что это тоже причина срочно остановить машину. И нормальная причина не говорить при всех.

— Никто мне не угрожал.

Максим потер переносицу.

— Тогда я не понимаю, что происходит. Вы пришли испуганный. Знали, что найдём. Время назвали. Я не хочу лезть в чужие дела. Но это уже и мои дела тоже.

Петрович посмотрел за его плечо. Жилин с Рябовым готовили второй ящик для снятых деталей. В первой памяти Максим стоял возле машины и разворачивался как раз перед ударом. Теперь он стоял живой и спрашивал, почему чужой страх касается его работы.

Сказать правду было почти возможно.

«Я видел, как здесь всё разлетелось. Потом проснулся дома. Вы ничего не помните, а я помню».

Петрович представил собственный голос и то, как изменится лицо собеседника.

Максим перестанет спрашивать про данные. Позовёт Сомова. Лебедев отведёт его в сторону, и все будут говорить осторожно, маленькими словами. Решение об остановке удастся защитить дефектом. Остальное — ничем.

— Я сам пока не понимаю, — сказал Петрович.

Максим помолчал.

— Это хотя бы ответ.

— Тебе лучше уехать сегодня пораньше.

— Почему?

— Ночь за архивами сидел. Отдохни.

— Я сегодня только утром пришёл.

Петрович почувствовал, как проваливается очередная опора разговора.

— Тогда просто не задерживайся.

— Хорошо, — сказал Максим. — Но вы тоже.

Это прозвучало без вызова. Почти спокойно. От этого было хуже.

Петрович достал телефон и открыл вызовы. Вчерашний разговор с Сомовым, как и ожидалось, был в списке. Сегодняшний тоже. Тот, в котором они обнаружили повреждение и уехали к складу, отсутствовал. Ещё не состоялся.

Он поднял глаза на Максима.

Можно было попросить показать вызовы у него. Посмотреть, осталась ли хоть какая-нибудь запись об аварии. Это выглядело бы странно, но не хуже остального.

— Ты мне ночью звонил?

— Нет.

— А кто-нибудь по шестому?

— Нет. Сомов под утро написал в сменной группе. Я дома увидел. Приехал раньше.

— Покажи.

Максим открыл сообщение. Там было всё, что Петрович уже знал: колебание давления, необходимость посмотреть архив. Время отправки совпадало с сегодняшним, не с его памятью о смерти.

Под сообщением стояли две галочки.

Петрович долго смотрел на них.

Если память одна у него, доказательства надо добывать заново. Каждый раз. Фотография, которую сейчас делает Сомов, исчезнет. Запись в журнале, разговор, повреждённая деталь, выговор Лебедева — всё исчезнет. Даже если он сам сумеет не забыть.

Но сейчас он ещё не знал, исчезнет ли. Пока всего одно возвращение. Слово «каждый» опережало факты.

Он вернул телефон.

— Всё?

— Да.

— Что вы искали?

— Проверял время.

— Оно здесь правильное.

Петрович кивнул. Правильное время стало самой ненадёжной вещью на площадке.

КД-17 находился в двух шагах за ограждением. Стрелка стояла чуть выше тридцати семи. Петрович хотел подойти, но передумал. Прибор мог быть чем угодно. У него сейчас был остановленный компрессор и живые люди. Этого хватало.

Лебедев вернулся на площадку, посмотрел повреждение и не стал напоминать об объяснительной. Только распорядился сохранить документацию ремонта и вызвать представителя поставщика.

— Хорошо, что не дотянули, — сказал он.

Петрович кивнул.

В 09:38 ничего не произошло.

Он заметил эту минуту, хотя обещал себе не смотреть на часы. Свет горел. Максим разговаривал по телефону. Сомов поставил подпись в журнале. Где-то внизу монтажник потребовал вернуть бухту кабеля.

Петрович засмеялся.

Совсем коротко. Один раз.

Сомов поднял голову.

— Что?

— Ничего.

— Может, в медпункт зайдёте? Вы белый какой-то.

— Я всегда такой.

— Не всегда.

Петрович отмахнулся, но без раздражения.

Не сон. Что бы ни случилось с ним утром, он изменил событие. Не повторил путь к красной кнопке. Не позволил машине разнести площадку.

Значит, случившееся можно было исправить.

Он даже нашёл объяснение, за которое удалось ухватиться. Ему приснилась авария, совпавшая с настоящим дефектом. Слышал машину раньше, запомнил тревожные признаки, мозг собрал их во сне. Удивительно, но не невозможно. Остальные совпадения объяснялись привычками.

Петрович понимал, как натянута эта версия. И всё же с ней можно было ехать домой.

Он достал телефон и отправил Лене: «Вечером позвоню. Обязательно».

Лена ответила почти сразу.

«Скриншот сделала».

Петрович улыбнулся.

* * *

В 10:08 Сомов спросил, нужен ли ещё резервный подшипник со склада. Для разбора остановленной машины подшипник не требовался, но если тянуть, склад отправит машину с деталями на другой участок.

— Забирайте, — сказал Петрович. — Я с вами пройду. Посмотрю маркировку.

— Рябов сам проверит.

— Он уже один проверил неделю назад.

Это было несправедливо. Он понял по лицу Сомова. Рябов не выбирал поставщика, не принимал подшипник и не подписывал качество металла. Но реплика уже прозвучала.

Петрович мог исправить её. Не исправил.

Из компрессорного корпуса они вышли через боковую дверь, к грузовой площадке. Там работал мостовой кран, перемещая оснастку в соседний пролёт. Под перемещаемым грузом проход был ограждён. Сомов свернул к служебной дорожке.

Петрович задержался у двери. Достал телефон: начальник снабжения прислал фотографию шильдика.

Сверху раздался лязг.

Он поднял голову.

Кран двигался не над дорожкой. До него было несколько метров и ограждение. Но груз ударился о край конструкции, пошёл боком. Что-то оторвалось от него и понеслось вниз, наружу обозначенной зоны.

Сомов закричал.

Петрович сделал шаг назад. Носок ботинка задел порог. Он потерял ровно столько времени, сколько нужно, чтобы не успеть.

На часах было 10:16.

Такого он не помнил.

Именно это успел подумать, прежде чем металл заслонил свет.

* * *

Будильник зазвонил в 06:12.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.